
pocket**book**

rocket**book**

БРЮС КЭМЕРОН

Жизнь и цель собаки

МОСКВА
2018

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-44
К98

William Bruce Cameron
A DOG'S PURPOSE

Copyright © 2010 by W. Bruce Cameron

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *А. Андреева*

Художественное оформление *А. Саукова*

В оформлении обложки использована фотография:
sonya etchison / Shutterstock.com.

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кэмерон, Брюс.

К98 Жизнь и цель собаки / Брюс Кэмерон ; [пер. с
англ. А. Андреева]. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 288 с.

ISBN 978-5-699-82273-7

Брюс Кэмерон написал увлекательную, веселую и трогательную книгу о жизни собаки, а еще — о человеческих взаимоотношениях и неразрывных связях между хозяином и его четвероногим другом, о том, что любовь никогда не умирает, что наши истинные друзья всегда рядом и у всех нас есть свое предназначение.

Главный герой этой книги — собака, которая, всякий раз рождаясь заново, обретает счастье в служении человеку: самоотверженной Сеньоре, одинокому мальчику Итану, потерявшей веру Майе или трогательной Венди. Брюс Кэмерон убеждает нас в том, что собаки способны на такие чувства, которые доступны далеко не каждому человеку.

Чтобы доказать это, иногда собаке приходится побывать в разных шкурах, храбро встречать все невзгоды и, главное, никогда не терять из виду своего хозяина. Даже если их разделяют несколько жизней.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Андреев А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-699-82273-7

Для Кэтрин
За то, что ты делаешь,
за то, что ты есть

Благодарности

Столько людей так или иначе помогали мне добраться от старта до того места, где я оказался теперь!.. Даже не знаю, с кого начать перечислять их всех — а остановиться будет еще сложнее. В связи с этим позвольте официально заявить: я прекрасно понимаю, что как писатель и как человек нахожусь в процессе становления и являюсь суммой того, что выучил и что пережил, и что я всем обязан людям, которые меня учили и поддерживали.

Считаю необходимым назвать несколько работ, по которым я изучал, как мыслят собаки. «Dogwatching» Десмонда Морриса. «What the Dogs Have Taught Me» Элизабет Маршалл Томас. «Search and Rescue Dogs» Американской ассоциации поисково-спасательных собак. А еще работы Цезаря Милана, Джеймса Херриота, доктора Марти Беккер и Джинны Спадафори.

У меня ничего не получилось бы без поддержки моей семьи, особенно родителей, которые всегда верили в мои писательские способности, несмотря на два десятилетия отрицательных отзывов.

Верил в меня и мой агент, Скотт Миллер из «Trident Media»; он не бросил ни эту книгу, ни меня. Усилия Скотта привели меня в «Tor/Forge» и к мо-

ему редактору, Кристин Севик, чья вера в «Жизнь и цель собаки», вкупе с внимательным глазом и твердой рукой мастера, очистили и улучшили роман. Работать с Кристин и остальными в «Tor/Forge» — настоящее удовольствие.

Когда я пишу эти строки, книга еще не ушла в печать, а уже столько людей потрудились в ее поддержку. Шерил Джонстон — прекрасный специалист по рекламе и «ужас за рулем». Лиза Нэш, которая задействовала свою обширную сеть, чтобы поддержать мою книгу. Базз Янси, который пытался устроить ажиотаж. Хиллари Карлип, которая перестроила wbrucesameron.com и создала adogspurpose.com, добившись небывалого успеха. Эми Кэмерон, которая, основываясь на многолетнем преподавательском опыте, написала пособие для любого учителя, который захочет использовать «Жизнь и цель собаки» в классе. Джеффри Дженнингс, необыкновенный книгопродавец, который одобрил затею с самого начала. Лиза Зупан, которая делала все.

Спасибо всем редакторам, предоставившим мне колонку в своих газетах, несмотря на неустойчивое состояние отрасли. Особое спасибо «The Denver Post», которые взяли меня к себе после печальной кончины «Rocky Mountain News». Спасибо Энтони Цюрхеру за прекрасную редактуру моей колонки.

Спасибо Брэду Розенфельду и Полу Уайтцману из «Preferred Artists» за то, что выбрали меня, и Лорен Ллойд за то, что всем руководила.

Спасибо, Стив Янгер и Хейс Майкл, за юридическую работу — хотя до сих пор считаю, что нужно давить на невменяемость.

Спасибо, Боб Бриджес, за непрерывное добровольное выкусывание ошибок и опечаток в моей колонке. Мне бы очень хотелось платить в сто раз больше, чем сейчас.

Спасибо, Клер ЛаЗебник, за то, что согласилась поговорить со мной о писательском мастерстве.

Спасибо, Том Рукер, за все, что ты делаешь — не знаю, как это назвать.

Спасибо большому Элу и Эви, что вложились в мою «гениальную» карьеру. Спасибо, Тед, Мария, Джейкоб, Майя и Итан, что хвалили мою чушь.

Спасибо всем в Национальном обществе газетных обозревателей за то, что пытались спасти нас от Красной книги вымирающих видов.

Спасибо, Джорджия Ли Кэмерон, что познакомила меня с миром собак-спасателей.

Спасибо, Билл Белша, за то, что ты сделал с моей головой.

Спасибо, Дженнифер Альтабеф, что оказывалась там, где была нужна.

Спасибо, Альберто Алехандро, что почти в одиночку сотворил из меня автора бестселлера.

Спасибо, Курт Хэмилтон, что заставил меня убедиться: ничего страшного с трубами не случилось.

Спасибо Джули Сайфер, за то, что всем со мной делилась.

Спасибо, Марсия Уоллес, мой любимый персонаж.

Спасибо, Норма Вела, за здравый смысл.

Спасибо, Молли, что водила машину, и Сьерра, что разрешила.

Спасибо, Мелисса Доусон, за окончательную редакцию.

Спасибо, Бетси, Ричард, Колин и Шарон, за то, что во все влезали и что пытались научить меня танцевать румбу.

Первая, кому я рассказал историю, была Кэтрин Мишон. Спасибо, Кэтрин, что настояла, чтобы я написал «Жизнь и цель собаки».

Теперь я понимаю, почему так многие на церемонии «Оскара» все еще говорят, когда начинается музыка: список тех, кого я хочу поблагодарить, просто бесконечен. Так что позвольте мне остановиться тут, на заключительной ноте: я признателен за жертвенный и неутомимый тяжкий труд мужчин и женщин, которые работают в службе спасения животных, помогают потерявшимся, брошенным и подвергшимся насилию домашним питомцам обрести новую счастливую жизнь в любящей семье. Вы все ангелы.

Однажды мне стало ясно, что теплые, визгливые, вонючие существа, копошащиеся рядом со мной, это мои братья и сестра. Я был очень разочарован.

Хотя глаза мои различали пока только смутные очертания, я знал, что большая и прекрасная фигура с длинным замечательным языком — моя мать. Я выяснил, что если холодный воздух кусает кожу, значит, Мать куда-то ушла, а когда возвращается тепло, значит, пора есть. Часто, чтобы найти место, где можно сосать молоко, приходилось распахивать то, что оказалось моими сородичами, которые пытались лишить меня моей доли — это раздражало. Я не понимал, в чем смысл существования братьев и сестры. Когда Мать лизала мне живот, чтобы из-под хвоста текла жидкость, я моргал ей, беззвучно умоляя: «Пожалуйста, избавься от остальных щенков, ради меня одного». Я хотел ее всю.

Постепенно я начинал различать других собак, с недовольством принимая их присутствие. Нос подсказал мне, что у меня есть сестра и два брата. Сестра лишь немного меньше братьев хотела возиться со мной. Одного я называл Шустриком, потому что он всегда двигался быстрее меня, второго Обжорой,

потому что он принимался скулить, стоило Матери уйти, и сосал ее с таким отчаянием, словно ему все время было мало. Обжора спал больше остальных, поэтому мы частенько прыгали на него и кусали за морду.

Наше логово таилось под черными корнями дерева; в жаркие дни там было прохладно и темно. В первый раз я выбрался на солнечный свет с Сестрой и Шустриком, и, естественно, Шустрик меня опередил.

Из нас четверых только у Шустрика на мордочке было белое пятно, похожее на звездочку, которое ярко сияло на солнце, когда он весело шагал вперед. «Я — особенный», — словно кричало оно миру. В остальном его шкура была пятнистая, коричнево-черная, как и у меня. Обжора был чуть светлее нас. Сестра унаследовала от Матери короткий нос и плоский лоб, но мы все выглядели более или менее одинаково, не считая выскочки Шустрика.

Наше дерево находилось на берегу ручья, и я обрадовался, когда Шустрик кувырком свалился вниз; впрочем, мы с Сестрой, попробовав спуститься, также рухнули без особой грации. Скользкие камни и тонкая струйка воды принесли восхитительные запахи, и мы по сырой тропинке добрались до влажной прохладной пещеры — дренажной трубы с металлическими стенками. Я чутьем понял, что в этом месте хорошо прятаться от опасности. Мать не обрадовалась находке и бесцеремонно отволокла нас в Логово, когда оказалось, что наши лапы еще не достаточно сильны, чтобы поднять нас наверх. Мы усвоили, что не можем сами вернуться к Логову, если спустимся с берега, так что едва Мать ушла,

мы тут же спустились снова. На этот раз к нам присоединился Обжора, который, добравшись до трубы, свернулся в прохладной грязи и уснул.

Мать, потеряв терпение, встала на ноги, когда мы еще не наелись; наверняка в этом виноваты мои родители. Если бы Обжора не был таким ненасытным, а Шустрик — таким настырным, если бы Сестра меньше вертелась, Мать наверняка лежала бы спокойно и разрешала нам набивать животы.

Часто Мать вылизывала Обжору больше остальных, и я возмущался такой несправедливости.

Шустрик и Сестра переросли меня — вернее, туловище было того же размера, но мои лапы были короче. Обжора, конечно же, был самым мелким в помете.

Поскольку Шустрик и Сестра были заняты друг другом больше, чем остальными, я в отместку лишал их своей компании, забираясь глубоко в трубу. Однажды я принюхивался к чему-то восхитительно мертвому и гнилому, когда прямо у меня перед носом в воздух взвилось маленькое животное — лягушка!

Я с восторгом бросился вперед, стараясь накрыть ее лапами, но лягушка снова прыгнула. Она испугалась, хотя я собирался только поиграть — и возможно, не стал бы ее есть.

Шустрик и Сестра почувствовали мое возбуждение, бросились в трубу, повалив меня, и затормозили в липкой воде. Лягушка прыгнула, и Шустрик ринулся за ней, использовав мою голову вместо трамплина.

Сестра и Шустрик, борясь друг с другом, пытались схватить лягушку, но та плюхнулась в большую лужу и поплыла быстрыми короткими греб-

ками. Сестра сунула мордочку в воду и чихнула, обрызгав Шустрика и меня. Шустрик забрался на спину Сестре, забыв про лягушку — мою лягушку!

Я грустно отвернулся. Похоже, я живу в семье тупиц.

Часто потом я вспоминал лягушку — обычно, когда засыпал: пытался представить, какая она на вкус.

Мать все чаще тихонько рычала, когда мы лезли к ней, а в тот день, когда она предупреждающе клацнула зубами, стоило нам сунуться жадной толпой, я в отчаянии понял, что сестра и братья все испортили. Шустрик подполз к ней на животе, и Мать опустила к нему морду. Он лизнул ее в губы, и она в награду пустила его к животу. Мы бросились за своей долей. Шустрик отпихнул нас, но мы уже поняли, в чем трюк; и когда я обнюхал и облизал мамину пасть, она дала мне поесть.

К тому времени мы хорошо исследовали русло ручья, бродя вдоль него, так что все вокруг было пропитано нашими запахами. Мы с Шустриком почти все время уделяли серьезным делам — играли, и я начал понимать, как важно для него в игре оказаться сверху, покусывая меня за горло и морду. Сестра уже не спорила с ним, но порядок, принятый другими в нашей стае, по-прежнему не казался мне справедливым. Обжору, разумеется, совсем не беспокоил его статус, так что я, расстроившись, кусал его за уши.

Однажды вечером я спросонья наблюдал, как Сестра и Шустрик раздирают найденную где-то тряпку, когда мои уши наострились — приближалось большое шумное животное. Я вскочил на ноги, но прежде чем успел направиться к ручью — выяснить,

что за шум, — рядом со мной возникла Мать. Ее тело тревожно напряглось. Я с удивлением отметил, что она держит в зубах Обжору — то, от чего мы отказались несколько недель назад. Мать завела нас в темную трубу и легла, прижав уши. Все было понятно, и мы послушно отползли от выхода из тоннеля.

Когда существо, шагающее вдоль ручья, показалось, я почувствовал, как страх пробежал по спине Матери. Существо было большое, на двух лапах, и из его рта вырывался едкий дым.

Я смотрел, совершенно замороженный. Почему-то меня тянуло к этому существу, я был очарован и напрягся, готовый выскочить приветствовать его. Однако Мать только раз взглянула на меня, и я передумал. Его нужно бояться и избегать любой ценой.

Так впервые я увидел человека.

Он даже не посмотрел в нашу сторону: поднялся по берегу и исчез из виду. Через несколько мгновений Мать выскользнула наружу и подняла голову, проверить — миновала ли опасность. Потом расслабилась и вернулась в трубу, чтобы ободряюще поцеловать каждого из нас.

Я выскочил наружу — решил посмотреть сам. К сожалению, от человека остался лишь тающий аромат дыма в воздухе.

Снова и снова в последующие недели Мать закрепляла урок, который мы получили в трубе: человека нужно избегать, во что бы то ни стало. Человека нужно бояться.

Когда Мать в очередной раз отправилась на охоту, нам было позволено идти с ней. Выбравшись из Логова, Мать двигалась робко и осторожно, мы остерегались открытых мест, крались вдоль кустов.